

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Социология, экономическая
теория и международные процессы»

38.03.01 «Экономика»

Экономика и организация
внешнеэкономической деятельности

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

**Влияние цифровой трансформации на структуру экспорта
трудовых услуг в Российской Федерации**

Студент

Логвинов

Павел

Андреевич

подпись, дата

Руководитель

Питайкана И. А.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2026

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 38.03.01 «Экономика», профиль «Экономика и
организация внешнеэкономической деятельности»

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.

« ____ » _____ 20 ____ г.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Логвинову П. А., группа 22ЭЭв1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Влияние цифровой трансформации на структуру экспорта трудовых услуг в Российской Федерации

утверждена приказом по университету

от «__» _____ 20__ г. № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 3.06.2026.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: теоретические основы исследования экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации, анализ состояния и структурных сдвигов в экспорте трудовых услуг Российской Федерации, институциональные и инфраструктурные барьеры для российских экспортеров трудовых услуг, перспективы развития экспорта трудовых услуг Российской Федерации в новых геоэкономических реалиях.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 25.10.2025.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	25.10.2025 – 10.11.2025	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.11.2025 – 25.12.2025	
3	Написание Главы 1	26.12.2025 – 30.01.2026	
4	Написание Главы 2	31.01.2026 – 15.03.2026	
5	Написание Главы 3	16.03.2026 – 29.04.2026	
6	Написание введения и заключения	30.04.2026 – 11.05.2026	
7	Оформление ВКР	12.05.2026 – 19.05.2026	
8	Сдача ВКР на нормоконтроль, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	20.05.2026 – 1.06.2026	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	2.06.2026	
10	Представление законченной бакалаврской работы	3.06.2026	

Руководитель _____ / И. А. Питайкина /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / П. А. Логвинов /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 55 с., 3 ч., 1 рис., 3 табл., 62 источника.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ, ДИСТАНЦИОННЫЙ ЭКСПОРТ ТРУДОВЫХ УСЛУГ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ТЕЛЕМИГРАЦИЯ, САНКЦИИ, ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ, ПЛАТФОРМЕННАЯ ЭКОНОМИКА, GATS, ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Объект исследования – экспорт трудовых услуг Российской Федерации в условиях глобальной цифровой трансформации.

Цель работы состоит в изучении влияния цифровой трансформации на структуру экспорта трудовых услуг в Российской Федерации.

В процессе написания работы применялись системный и структурно-функциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа, метод зеркальной статистики, сценарное планирование, а также концептуальные положения теории транзакционных издержек и платформенной экономики.

Результаты работы: раскрыты теоретические аспекты трансформации понятия «трудовые ресурсы» в цифровой экономике; выявлены ключевые факторы эволюции мирового рынка труда под воздействием цифровой трансформации и платформеризации занятости; проанализирована динамика экспорта трудовых услуг РФ в условиях расширения процессов цифровизации; определена роль внутренних цифровых платформ и финтех-экосистем в сохранении человеческого капитала и развитии экспорта трудовых услуг; выявлены институциональные и инфраструктурные барьеры, ограничивающие деятельность российских цифровых экспортеров; разработан комплекс рекомендаций по модернизации государственной политики регулирования и поддержки цифрового экспорта труда в РФ.

Теоретическая значимость ВКР заключается в систематизации научных подходов к пониманию специфики экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации. В работе уточнено понятие «трудовые услуги» применительно к реалиям платформенной экономики, что расширяет существующие теоретические представления о формах дистанционной занятости.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные меры по развитию режима самозанятости (НПД) и совершенствованию механизмов трансграничных расчетов могут быть использованы для улучшения работы российских специалистов и поддержки цифрового экспорта труда.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы исследования экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации.....	7
1.1 Понятие, сущность и классификация экспорта трудовых услуг в международной экономике.....	7
1.2 Цифровая трансформация как фактор эволюции мирового рынка труда.....	13
Глава 2 Анализ состояния и структурных сдвигов в экспорте трудовых услуг Российской Федерации.....	21
2.1 Динамика экспорта трудовых услуг из Российской Федерации в условиях цифровизации.....	21
2.2 Роль цифровых платформ и экосистем в масштабировании дистанционного экспорта труда из России.....	27
Глава 3 Проблемы и перспективы развития экспорта трудовых услуг Российской Федерации в новых геоэкономических реалиях.....	32
3.1 Институциональные и инфраструктурные барьеры для российских экспортеров трудовых услуг.....	32
3.2 Совершенствование государственной политики регулирования и поддержки цифрового экспорта труда в Российской Федерации.....	37
Заключение.....	45
Список использованных источников.....	49

Введение

В условиях стремительного развития глобальной цифровой экономики классические модели международной торговли услугами претерпевают радикальную трансформацию. Особую остроту данный процесс приобретает в сфере трудовых услуг, где физическая миграция замещается форматом «виртуальной мобильности». Переход к формату многополярной геоэкономической архитектуры и развертывание Четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) является ключевым драйвером структурных изменений в системе международных экономических отношений, что влечет за собой сквозную цифровую трансформацию. Размытие границ на мировом рынке труда, обусловившее качественную эволюцию форм и способов трансграничного обмена результатами человеческой деятельности, становится одним из наиболее динамичных и глубоких проявлений данного процесса. Традиционные механизмы экспорта рабочей силы, неразрывно связанные с физической пространственной мобильностью и трансграничной миграцией населения, уступают лидирующие позиции дистанционному экспорту трудовых услуг, реализуемому в цифровой среде без пересечения границ и смены страны и места жительства.

Для Российской Федерации актуальность исследования данного процесса обостряется нарастанием геоэкономического давления, блокировкой классических каналов внешнеторгового взаимодействия и существенным ограничением доступа национальной финансовой системы от международной расчетной инфраструктуры в сфере влияния недружественных стран. В этих условиях сохранение, переориентация и масштабирование экспортного потенциала наукоемких отраслей (ИТ-разработка, инжиниринг, креативные индустрии, профессиональный консалтинг) выступают стратегическим вектором для удержания высококвалифицированного человеческого капитала внутри страны. Возникает объективная необходимость комплексного теоретического осмысления и эмпирического анализа структурных сдвигов в отечественном экспорте

дистанционных услуг под влиянием платформеризации и санкционных ограничений, что определило выбор темы, цель и задачи бакалаврской работы.

Степень научной разработанности темы. Теоретические подходы к исследованию базируются на классических работах К. Маркса (теория стоимости и прибавочного труда) [36] и Р. Коуза (теория трансакционных издержек) [33]. Теоретический базис исследования процессов цифровизации экономики и эволюции социально-трудовых отношений заложен в фундаментальных трудах зарубежных экономистов, таких как К. Шваб (концепция Индустрии 4.0) [57] и Р. Болдуин (теория телемиграции) [20]. Особенности функционирования платформенной экономики и гиг-занятости исследованы в докладах Международной организации труда (МОТ) [39], а также в работах Г. Стэндинга (концепция прекариата) [54].

В отечественной науке проблемы международной миграции труда, а также специфика учета дистанционного экспорта трудовых услуг отражены в трудах М. Ю. Иванковой, В. И. Кабалиной и А. В. Макаровой, И. П. Цапенко и др. [28; 29; 55]. Проблемы цифровой экономики, человеческого капитала и платформенной занятости исследовались в трудах зарубежных и отечественных авторов: А. Н. Алексахина, А. Аниш, А. В. Батищева, В. Н. Бобкова, Э. Н. Гавриловой, Н. И. Глотовой, М. Грэм, И. А. Питайкиной, Д. О. Стребкова и др. [10; 12; 18; 19; 23; 26; 60; 41; 52]. Несмотря на большое количество публикаций по данной теме, проблемы и перспективы развития российского экспорта трудовых услуг в современных условиях изучены недостаточно, что и обусловило выбор темы бакалаврской работы.

Объект исследования – экспорт трудовых услуг Российской Федерации в условиях глобальной цифровой трансформации.

Предмет исследования – структурные изменения экспорта трудовых услуг Российской Федерации, происходящие под влиянием цифровой трансформации.

Цель исследования – изучить влияние цифровой трансформации на структуру экспорта трудовых услуг в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- раскрыть теоретические аспекты трансформации понятия «трудовые ресурсы» в цифровой экономике;
- выявить ключевые факторы эволюции мирового рынка труда под воздействием цифровой трансформации и платформеризации занятости;
- проанализировать динамику экспорта трудовых услуг РФ в условиях расширения процессов цифровизации;
- определить роль внутренних цифровых платформ и финтех-экосистем в сохранении человеческого капитала и развитии экспорта трудовых услуг;
- выявить институциональные и инфраструктурные барьеры, ограничивающие деятельность российских цифровых экспортеров;
- разработать комплекс рекомендаций по модернизации государственной политики регулирования и поддержки цифрового экспорта труда в РФ.

В работе применялись системный и структурно-функциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа, метод зеркальной статистики, сценарное планирование, а также концептуальные положения теории транзакционных издержек и платформенной экономики.

Информационно-эмпирическую базу работы составили официальные статистические материалы Банка России, Федеральной службы государственной статистики (Росстат), аналитические отчеты Международной организации труда (МОТ), Всемирной торговой организации (ВТО), а также ежегодные эмпирические исследования профильной ассоциации РУССОФТ [15; 39; 24; 45; 46].

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации научных подходов к пониманию специфики экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации. В работе уточнено понятие «трудовые услуги» применительно к реалиям платформенной экономики, что расширяет существующие теоретические представления о формах дистанционной занятости.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные меры по развитию режима самозанятости (НПД) и совершенствованию механизмов

трансграничных расчетов могут быть использованы для улучшения работы российских специалистов и поддержки цифрового экспорта труда.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников.

Глава 1 Теоретические основы исследования экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации

1.1 Понятие, сущность и классификация экспорта трудовых услуг в международной экономике

В современной системе международных экономических отношений сектор услуг является одним из самых быстрорастущих направлений мировой торговли. Важную роль в этом процессе играет экспорт трудовых услуг. С переходом мировой экономики к цифровому этапу развития суть и механизмы такого экспорта заметно изменились. Чтобы объективно оценить влияние цифровизации на данный сектор, в первую очередь необходимо рассмотреть базовый понятийный аппарат и определить место трудовых услуг в макроэкономической системе.

Исторически в экономической теории и международной статистике существовало определенное размытие границ между дефинициями «международная миграция рабочей силы» и «экспорт трудовых услуг». Как отмечает в своих исследованиях И. А. Цапенко, в классической политэкономии перемещение труда за рубеж рассматривалось исключительно сквозь призму физической миграции человеческого капитала, где работник физически пересекал таможенную границу государства с целью включения в экономические процессы принимающей страны [55]. Однако подобный подход претерпел существенные изменения в условиях современного разделения труда. С точки зрения институционального подхода экспорт трудовых услуг представляет собой процесс оказания экономическим агентом-резидентом одной страны (экспортером) услуг интеллектуального, производственного или сервисного характера резиденту другой страны (импортеру) с последующим получением финансового вознаграждения в валюте или эквивалентном активе [38].

Фундаментальным критерием, отличающим экспорт трудовых услуг от трудовой миграции, выступает место создания добавленной стоимости и страна, в которой специалист платит налоги. При экспорте трудовых услуг исполнитель

(контрактор, фрилансер, компания-аутсорсер) остается работать в своей стране, тогда как результат его труда используется заказчиком за рубежом. Согласно рекомендациям шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6), разработанного Международным валютным фондом (МВФ), трудовые услуги фиксируются на счете текущих операций. В частности, вознаграждение работников-нерезидентов, находящихся за рубежом менее одного года, классифицируется как оплата труда, тогда как услуги, оказываемые независимыми специалистами-резидентами зарубежным заказчикам, аккумулируются в соответствующих статьях коммерческих услуг (телекоммуникационные, компьютерные, информационные, профессиональные и управленческие услуги) [44].

Институциональная рамка международной торговли услугами жестко регламентируется Генеральным соглашением по торговле услугами (*GATS*), администрируемым Всемирной торговой организацией (ВТО). Методология *GATS* предлагает четырехчастную классификацию способов поставки услуг (*modes of supply*), которая является критически важной для понимания структуры экспорта трудовых услуг. Способ 1 (трансграничная поставка – *cross-border supply*) подразумевает предоставление услуги с территории одной страны-члена на территорию другой страны-члена без физического перемещения как поставщика, так и потребителя. Именно этот способ поставки в наибольшей степени подвержен влиянию цифровой трансформации, поскольку интернет стер географические барьеры для обмена информационными продуктами [24]. Способ 2 (потребление за рубежом – *consumption abroad*) в контексте трудовых услуг проявляется реже, например, когда иностранный заказчик прибывает в страну исполнителя для получения специфических консультаций. Способ 3 (коммерческое присутствие – *commercial presence*) реализуется через создание дочерних структур и представительств за рубежом. Способ 4 (присутствие физических лиц – *presence of natural persons*) регламентирует временное перемещение специалистов (инженеров, IT-архитекторов, топ-менеджеров) на территорию иностранного государства для выполнения конкретного контракта [25].

Экономическая сущность экспорта трудовых услуг в международной торговле основывается на концепции сравнительных преимуществ Д. Рикардо и теореме Хекшера-Олина-Самуэльсона, модифицированных с учетом специфики нематериальных активов. Государства или отдельные экономические регионы (в частности, развивающиеся экономики с высоким уровнем человеческого капитала) специализируются на экспорте тех видов трудовых услуг, в производстве которых они обладают избыточным предложением высококвалифицированных специалистов при относительно низком уровне внутренних заработных плат в сравнении с глобальным рынком [60]. Возникающий арбитраж заработных плат (*wage arbitrage*) выступает главным экономическим стимулом для импортеров из развитых стран, стремящихся минимизировать свои операционные издержки (*Opex*) посредством аутсорсинга бизнес-процессов (*BPO – Business Process Outsourcing*) и аутсорсинга ИТ-услуг (*ITO – Information Technology Outsourcing*) [50].

Классификация экспорта трудовых услуг в современной экономике отличается высокой степенью диверсификации. В академической литературе принято выделять два макросегмента: экспорт низко- и среднеквалифицированных трудовых услуг и экспорт высококвалифицированных услуг интеллектуального характера (*knowledge-intensive services*). Если первый сегмент традиционно был привязан к физическому перемещению работника (строительство, сельское хозяйство, клининг), то второй сегмент благодаря информационно-коммуникационным технологиям приобрел экстерриториальный характер. Как подчеркивает В. И. Кабалина, основу современного дистанционного экспорта составляют профессиональные услуги (консалтинг, аудит, юриспруденция), инженерно-технические услуги, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), а также доминирующий кластер – информационно-телекоммуникационные услуги (разработка программного обеспечения, веб-дизайн, аналитика больших данных) [30].

Помимо разделения по уровню квалификации, для более детального анализа в современной экономике экспорт трудовых услуг принято классифицировать еще по

двум ключевым критериям: отраслевой принадлежности и формату организации труда. По отраслевому признаку выделяют четыре основных направления:

- ИТ-услуги (разработка программного обеспечения, тестирование, кибербезопасность);
- профессиональный бизнес-консалтинг (аудит, юридические и бухгалтерские услуги);
- инженерно-технические работы (проектирование, архитектура);
- креативные индустрии (дизайн, маркетинг, создание цифрового контента).

По формату организации труда экспорт дистанционных услуг делится на корпоративный *B2B*-аутсорсинг (когда иностранный заказчик заключает договор с российской компанией-подрядчиком) и индивидуальную платформенную занятость (когда независимый специалист или самозанятый напрямую продает свои услуги клиенту через международные биржи фриланса). Именно последний формат сегодня демонстрирует наиболее высокие темпы роста.

В условиях цифровизации экономическая природа экспорта трудовых услуг претерпела качественное изменение: произошел переход от экспорта «человеко-часов» к экспорту «решений» и «кода». Информационный продукт, созданный разработчиком или дизайнером-фрилансером в России и переданный заказчику в другую страну посредством облачного хранилища, обладает свойствами неисключаемости и отсутствием физического износа. Подобный экспорт формирует высокую добавленную стоимость внутри страны, в которой была зарегистрирована инновационная технология, не требуя при этом значительных капитальных инвестиций (*Capex*) в создание производственной инфраструктуры, кроме инвестиций в человеческий капитал и базовое телекоммуникационное оборудование [61]. Более того, развитие платформенной занятости (*gig economy*) привело к фрагментации экспортируемых услуг: крупные проекты разбиваются на микрозадачи (*microtasks*), выполняемые разрозненными исполнителями из разных стран через глобальные краудсорсинговые платформы.

С макроэкономической точки зрения экспорт трудовых услуг выполняет функцию мощного механизма сглаживания для национальных рынков труда. В периоды внутренней макроэкономической турбулентности или структурной безработицы интеграция специалистов в глобальные цепочки создания стоимости позволяет выравнивать падение реальных располагаемых доходов населения и обеспечить стабильный приток иностранной валюты в страну [15]. Для Российской Федерации, исторически обладавшей сильной математической и инженерной школой, экспорт ИТ-услуг и креативных индустрий стал важным элементом диверсификации внешнеторгового баланса и снижения его сырьевой зависимости.

Вместе с тем, отсутствие прямой территориальной привязки и незавершенность нормативно-правовой базы для экспорта цифровых трудовых услуг порождает серьезные проблемы для систем государственного регулирования и национальных статистических ведомств. Традиционные механизмы таможенного контроля порой неэффективны при отслеживании цифровых услуг. Идентификация факта экспорта услуги часто возможна лишь постфактум – на этапе прохождения валютного платежа через национальную банковскую систему [16]. В условиях развития децентрализованных финансовых инструментов (криптовалют) и использования зарубежных платежных систем значительная часть экспорта трудовых услуг выпадает из поля зрения налоговых органов, формируя так называемый «невидимый экспорт» (*invisible export*).

Важно отметить, что уход цифрового экспорта в теневой сектор создает серьезные риски не только для государственного бюджета, но и для самих специалистов. Работая с иностранными заказчиками без официального оформления или через серые схемы, удаленные сотрудники лишаются базовых социальных гарантий, таких как оплачиваемые больничные листы, ежегодные отпуска и пенсионные отчисления. По сути, на рынке труда формируется обширная группа людей с нестабильной занятостью. В долгосрочной перспективе это несет риски для всей экономики, так как государству придется решать вопросы социальной поддержки граждан, которые годами работали на зарубежные рынки, но не сформировали официального трудового стажа внутри страны.

Пытаясь решить эту проблему и вывести доходы дистанционных специалистов из тени, регулирующие органы вынуждены искать новые подходы. В российской практике одним из наиболее успешных шагов в этом направлении стало введение специального налога на профессиональный доход (режима самозанятости). Простая процедура регистрации и низкие налоговые ставки действительно помогли легализовать часть цифрового экспорта. Однако из-за текущих санкционных ограничений на международные банковские переводы эффективность этого механизма снизилась: невозможность получить оплату напрямую на российскую карту вынуждает фрилансеров вновь возвращаться к альтернативным финансовым инструментам, которые сложно отследить.

Описанные проблемы учета связаны с тем, что дистанционный формат кардинально отличается от привычного механизма экспорта рабочей силы. Если при классической трудовой миграции отъезд специалиста фиксируется миграционными и пограничными службами, то виртуальная мобильность не имеет такой территориальной привязки. В таблице 1 представлены ключевые отличия физического перемещения работников от предоставления услуг в цифровой среде.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика традиционной трудовой миграции и дистанционного экспорта трудовых услуг [составлено автором]

Критерий сравнения	Традиционная трудовая миграция	Дистанционный экспорт трудовых услуг (телемиграция)
Физическое перемещение	Обязательное пересечение государственной границы	Отсутствует (работа в цифровой среде)
Налоговое резидентство	Страна-импортер (куда переехал работник)	Страна-экспортер (где физически находится работник)
Визовые барьеры	Высокие (рабочие визы, квоты)	Отсутствуют
Регламентация в ВТО (GATS)	Способ 4 (Присутствие физических лиц)	Способ 1 (Трансграничная поставка)
Локализация добавленной стоимости	В экономике принимающей страны	В экономике страны-экспортера (приток валюты)

Таким образом, проведенный теоретический анализ показывает, что экспорт трудовых услуг существенно отличается от классической трудовой миграции. В современных условиях акцент сместился на дистанционную работу: специалисты оказывают интеллектуальные или информационные услуги зарубежным клиентам, не уезжая из страны. Развитие технологий и интернета сделало мировой рынок труда более открытым. Понимание этих теоретических основ и специфики учета данного вида экспорта выступает базой для дальнейшего исследования того, как цифровизация и развитие платформ изменили структуру экспорта трудовых услуг в мире и в России.

1.2 Цифровая трансформация как фактор эволюции мирового рынка труда

Развитие цифровой экономики и переход к Четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) стали главной причиной глубоких изменений на мировом рынке труда. Как отмечает К. Шваб, скорость, масштаб и системный характер текущих технологических изменений не имеют исторических прецедентов, поскольку они трансформируют не только способы производства благ, но и саму природу социально-трудовых отношений [57]. В сфере международного обмена услугами цифровая трансформация привела к тому, что для выполнения работы больше не требуется физическое присутствие исполнителя на территории заказчика.

Ключевым явлением, иллюстрирующим эволюцию мирового рынка труда под воздействием цифровизации, стала концепция «телемиграции» (*telemigration*), предложенная известным экономистом Р. Болдуином. Телемиграция представляет собой процесс, при котором специалисты, физически находящиеся в странах с развивающимися или переходными экономиками, интегрируются в трудовые процессы компаний из развитых стран посредством цифровых каналов связи [20]. В отличие от классической международной миграции рабочей силы, телемиграция не требует изменения страны резидентства, оформления рабочих виз и преодоления социокультурных барьеров интеграции. Экономическая природа данного феномена

основывается на колоссальном разрыве в уровне оплаты труда между глобальным Севером и глобальным Югом при выравнивании качества человеческого капитала в сфере ИТ и креативных индустрий.

Инфраструктурной основой для масштабирования дистанционного труда и телемиграции послужила беспрецедентная экспансия цифровых трудовых платформ (*digital labor platforms*). Согласно определению Международной организации труда (МОТ), цифровые трудовые платформы представляют собой двусторонние или многосторонние онлайн-рынки, алгоритмы которых обеспечивают сведение спроса и предложения на конкретные виды работ или услуг [39]. Такие платформы, как *Upwork*, *Freelancer*, *Toptal* и *Fiverr*, сформировали новый институциональный контур мирового рынка труда, преобразовав его из фрагментированного множества локальных рынков в единую, высококонкурентную глобальную биржу компетенций. Платформизация занятости привела к формированию так называемой гиг-экономики (*gig economy*) – экономической системы, базирующейся на краткосрочных контрактах и проектной занятости независимых подрядчиков.

С точки зрения микроэкономического подхода феномен цифровых платформ объясняется их способностью существенно снижать транзакционные издержки поиска, оценки и контроля контрагентов. В доцифровую эпоху поиск надежного зарубежного исполнителя сопровождался высокими транзакционными издержками ввиду асимметрии информации. Сегодня платформы сглаживают эту асимметрию посредством внедрения рейтинговых систем, алгоритмов верификации навыков и механизмов безопасных сделок (*escrow*-счетов) [21]. Алгоритмическое управление (*algorithmic management*) заменяет традиционный менеджмент в следующих сегментах: распределение задач, контроль сроков и оценка качества осуществляются автоматизированными системами. Все это делает процесс трансграничного экспорта трудовых услуг масштабируемым и экономически прозрачным.

Эволюция мирового рынка труда под влиянием цифровизации имеет глубокие последствия как для спроса (работодателей), так и для предложения (работников). Со стороны спроса корпоративный сектор получает доступ к обширной базе данных, так называемому глобальному пулу талантов (*global talent pool*). Компании

оптимизируют свои операционные издержки за счет перевода части штатного расписания в формат «*On-Demand*» (по требованию), привлекая высококвалифицированных специалистов исключительно под конкретные задачи. Кроме того, пространственная децентрализация команд позволяет реализовать концепцию непрерывного рабочего цикла «*Follow-the-Sun*» (следуй за солнцем), когда проект передается от исполнителей из одной часовой зоны к исполнителям в другой, обеспечивая круглосуточное производство [60].

Со стороны предложения цифровая трансформация способствует повышению гибкости (*flexibility*) и автономии работников. Индивиды получают возможность самостоятельно выстраивать траекторию своего профессионального развития, выбирать заказчиков и монетизировать свои навыки на мировом рынке, обходя стагнирующие локальные рынки труда [27]. Однако эта автономия имеет обратную сторону, что в трудах Г. Стэндинга описано как понятие «прекариат» – класс социально неустроенных людей, не имеющих гарантированной занятости. В контексте глобальной гиг-экономики экспортеры трудовых услуг (фрилансеры) лишены базовых социальных гарантий: оплачиваемых отпусков, больничных листов, пенсионного обеспечения и защиты от увольнений [54]. Как отмечают исследователи Оксфордского университета, алгоритмический контроль на платформах часто маскирует жесткую эксплуатацию под видом независимого подряда, создавая иллюзию свободы при фактической зависимости исполнителя от платформенных алгоритмов ранжирования [58].

Технологическим фундаментом, обеспечившим эволюцию рынка труда в сторону цифрового экспорта услуг, стало развитие облачных вычислений (*Cloud Computing*), высокоскоростного интернета (4G/5G) и инструментов совместной работы (*collaboration software*). Внедрение систем типа *Slack*, *Trello*, *Jira*, а также сред разработки (*GitHub*) и облачных редакторов (*Figma*, *Miro*) позволило перевести значительную часть производственных процессов из синхронного режима в асинхронный. Это сгладило проблему разницы часовых поясов, являвшуюся историческим барьером для международной кооперации. Вместе с тем, автоматизация и искусственный интеллект (ИИ), выступающие драйверами

цифровой трансформации, оказывают двойственное влияние на рынок труда: с одной стороны, они автоматизируют рутинные когнитивные задачи, вытесняя часть исполнителей, с другой – создают спрос на новые, более сложные комплементарные навыки (компетенции по обучению и поддержке ИИ) [27].

Особую роль в ускорении развития цифровой трансформации мирового рынка труда сыграла пандемия *COVID-19*. До 2020 г. дистанционная работа и трансграничный найм независимых подрядчиков рассматривались менеджментом большинства корпораций как нишевые или рискованные практики. Пандемия выступила в роли «черного лебедя», который принудительно сломал психологические и институциональные барьеры [34]. Масштабный эксперимент по переводу бизнес-процессов в онлайн-среду доказал, что производительность труда вне физического офиса не снижается, а во многих случаях даже возрастает за счет экономии времени на комьютинг. После снятия эпидемиологических ограничений значительная часть компаний перешла к гибридным моделям занятости, что легитимизировало дистанционный труд и сделало трансграничный найм стандартной корпоративной практикой.

Цифровая трансформация также привела к формированию феномена «цифровых кочевников» (*digital nomads*) – специалистов, которые используют цифровые технологии для выполнения своих трудовых обязанностей, ведя при этом мобильный образ жизни. Цифровое кочевничество стирает границы между туризмом и экспортом трудовых услуг. Целый ряд государств оперативно адаптировали свое законодательство, введя специальные визы для цифровых кочевников (*Digital Nomad Visas*), чтобы привлекать высокооплачиваемых специалистов, которые тратят заработанные за рубежом средства в локальной экономике. Это свидетельствует о том, что конкуренция государств на мировом рынке труда сместилась из плоскости удержания рабочих мест промышленных корпораций в плоскость привлечения мобильного человеческого капитала.

В связи с этим возникает проблема точной оценки и анализа экспорта цифровых трудовых услуг. Традиционная система статистики, ориентированная на учет материальных товаров при пересечении границы, плохо подходит для

фиксации цифрового труда. Поскольку платформенная занятость не имеет географических границ, работа передается через интернет мгновенно, а многие сделки остаются неформальными, подходы к учету этого сектора внешней торговли требуют постоянного обновления и доработки.

В международной практике институциональным базисом для учета трансграничных услуг выступает методология, разработанная консорциумом ведущих глобальных институтов, таких как ООН, МВФ, ВТО, ОЭСР и закреплённая в «Руководстве по статистике международной торговли услугами» (РСМТУ 2010), а также в шестом издании «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6) [16]. Согласно данным стандартам, основным источником макроэкономической информации является платежный баланс государства, формируемый на основе банковской отчетности о трансграничных переводах денежных средств. Для идентификации цифровых трудовых услуг используется Расширенная классификация услуг платежного баланса (*EBOPS 2010*), в рамках которой экспорт интеллектуального дистанционного труда агрегируется преимущественно по трем ключевым статьям: «Компьютерные услуги» (код 09.2), «Информационные услуги» (код 09.3) и сектор «Другие деловые услуги» (код 10), включающий в себя профессиональный консалтинг, маркетинг, инжиниринг и дизайн [17].

Несмотря на высокий уровень международной стандартизации, сугубо транзакционный подход платежного баланса обладает рядом недостатков. Во-первых, он фиксирует агрегированную стоимость контрактов, но полностью устраняет институциональный статус исполнителя, не позволяя дифференцировать экспорт, осуществляемый крупными ИТ-корпорациями (аутсорсинг), от микроэкспорта независимых индивидуальных подрядчиков (фрилансеров, телемигрантов). Во-вторых, возникает системная погрешность, связанная с размытием классификационных границ: трансграничный платеж за разработку программного обеспечения может быть ошибочно квалифицирован банком как роялти за использование интеллектуальной собственности (статья «Плата за пользование интеллектуальной собственностью», код 08) или как финансовая

транзакция, что существенно искажает реальную структуру экспорта трудовых услуг [61].

Для преодоления указанных ограничений ОЭСР совместно с ВТО разработали специализированное «Руководство по измерению цифровой торговли» (*Handbook on Measuring Digital Trade*). В рамках данного методического подхода вводится концептуальное разделение цифровой торговли на два базисных сегмента: услуги, упорядоченные цифровым способом (*digitally ordered*), и услуги, доставленные цифровым способом (*digitally delivered*) [61]. Экспорт трансграничных цифровых трудовых услуг в рамках этой методологии относится ко второй категории и определяется как услуги, производство, передача и потребление которых осуществляются опосредованно через информационно-коммуникационные сети. Данный подход предлагает комбинировать данные платежного баланса со статистикой национальных обследований предприятий (*Enterprise Surveys*) и бюджетов домашних хозяйств, что позволяет частично верифицировать объемы экспорта со стороны предложения (работников).

Одним из важных методов оценки цифрового экспорта выступает метод зеркальной статистики. Этот подход основан на сравнении данных: экспорт услуг из страны А сопоставляется с импортом этих же услуг в страну Б. В теории данные показатели должны совпадать, однако на практике при учете цифровых услуг часто возникают значительные расхождения (статистическая асимметрия). Как отмечает в своих трудах А. Н. Спартак, анализ зеркальной асимметрии позволяет исследователям локализовать «серые» зоны цифрового экспорта, выявить каналы оптимизации налогообложения транснациональных ИТ-компаний и скорректировать национальные показатели объема экспорта с учетом различий в пороговых значениях регистрации транзакций в разных юрисдикциях [50].

Параллельно с классическими макроэкономическими методами в последнее десятилетие сформировалось инновационное научно-методическое направление, базирующееся на технологиях анализа больших данных (*Big Data*) и веб-скрейпинге (*web scraping*). Пионером в этой области выступил Оксфордский интернет-институт (*Oxford Internet Institute*), разработавший «Индекс онлайн-труда» (*Online Labour*

Index – OLI). Методология *OLI* строится на непрерывном автоматизированном мониторинге операционной активности крупнейших международных фриланс-платформ (*Upwork, Freelancer* и др.) в режиме реального времени [62]. Система фиксирует количество размещаемых вакансий (спрос) и профили активных исполнителей (предложение), классифицируя их по профессиональным группам и географическому признаку. Данный подход обладает абсолютным преимуществом в точности оценки структуры экспорта трудовых услуг, так как оперирует не денежными потоками, которые могут быть распределены по различным юрисдикциям, а физическими объемами выполненных проектов и реальным количеством задействованного человеческого капитала.

В качестве дополняющего методического подхода рассматривается анализ данных платежных систем и финтех-платформ (*Payoneer, PayPal, Stripe, Wise*), которые выступают главными финансовыми шлюзами для трансграничной гиг-экономики. В контексте цифровой занятости платежные шлюзы – это сервисы, обеспечивающие безопасный перевод средств от заказчика к исполнителю. По сути, они выступают финансовыми посредниками: принимают платежные реквизиты, зашифровывают их для защиты данных, передают в банковскую систему и подтверждают статус транзакции.

Статистика традиционного межбанковского обмена (система *SWIFT*) все в меньшей степени отражает реальный оборот цифровых услуг, поскольку микроэкспортеры предпочитают использовать специализированные сервисы, агрегирующие платежи внутри принимающей страны и переводящие средства исполнителю единым внутренним траншем. Методология оценки, основанная на агрегировании обезличенных данных финтех-операторов, позволяет с высокой точностью верифицировать структуру доходов фрилансеров-экспортеров по странам-источникам, однако доступ к этой информации жестко ограничен коммерческой тайной и банковским законодательством зарубежных стран [61].

В Российской Федерации за формирование методического инструментария и непосредственную оценку экспорта услуг отвечают Центральный банк РФ (Банк России) и Федеральная служба государственной статистики (Росстат).

Отечественный подход базируется на банковской отчетности уполномоченных финансовых институтов в рамках валютного контроля. Однако специфика текущего этапа развития российской экономики, характеризующаяся санкционными ограничениями и отключением ведущих банков от международной системы *SWIFT*, привела к резкому снижению эффективности традиционных методов учета. Российские экспортеры цифровых трудовых услуг вынуждены переходить на альтернативные способы расчетов. Среди них – использование криптовалюты, открытие счетов в зарубежных банках, а также работа через финансовых посредников в дружественных странах [15]. В связи с этим в отечественной практике приобретает актуальность метод экспертных оценок и социологических панельных обследований профильных ассоциаций (например, данных РУССОФТ [45]), которые объединяют качественные показатели операционной деятельности разработчиков программного обеспечения для оценки структуры экспорта.

Таким образом, можно констатировать, что цифровая трансформация стала главным движущим фактором институциональной эволюции мирового рынка труда. Развитие платформенной экономики, алгоритмического управления и инфраструктуры дистанционной работы изменило рабочие места, перевело национальные границы в прозрачный интерфейс для передачи интеллектуального продукта. Экспорт трудовых услуг в условиях углубляющейся цифровизации открывает новые возможности как для квалифицированных кадров отдельных стран, так и для государств в целом. Но помимо положительных моментов, существует целый ряд угроз, оценить которые ввиду новизны данного экономического процесса пока не представляется возможным в полной мере. Для Российской Федерации, как активного участника глобального цифрового разделения труда, понимание этих эволюционных процессов является ключом к оценке текущего состояния, структурных сдвигов и будущих перспектив экспорта трудовых услуг, анализ которых будет подробно представлен в последующих разделах работы.

Глава 2 Анализ состояния и структурных сдвигов в экспорте трудовых услуг Российской Федерации

2.1 Динамика экспорта трудовых услуг из Российской Федерации в условиях цифровизации

Эмпирический анализ динамики экспорта трудовых услуг Российской Федерации в течение последнего десятилетия позволяет констатировать наличие сложных, разнонаправленных макроэкономических трендов, обусловленных как внутренними процессами цифровой трансформации, так и беспрецедентным давлением внешних геоэкономических факторов. Российский сектор дистанционных трудовых услуг преимущественно представлен ИКТ-сферой, инженерным консалтингом и креативными индустриями. В своем развитии он прошел путь от стремительного роста в рамках интеграции в глобальную цифровую экосистему до вынужденной структурной перестройки и поиска альтернативных каналов монетизации человеческого капитала.

За период 2018–2021 гг. основным драйвером роста отечественного экспорта трудовых услуг выступало опережающее развитие индустрии разработки программного обеспечения и общая интеграция цифровых технологий во все процессы глобального корпоративного управления. Согласно официальной статистике Банка России, объемы экспорта по статье «Компьютерные услуги» ежегодно демонстрировали устойчивый прирост, достигнув к концу 2021 г. исторических максимумов [15]. Экономической основой данной динамики являлось конкурентное преимущество российских ИТ-специалистов: сочетание фундаментальной математической подготовки с относительно низкой стоимостью воспроизводства рабочей силы на внутреннем рынке, так называемый арбитраж (*wage arbitrage*). Основными импортерами выступали страны Западной Европы и Северной Америки, формировавшие устойчивый спрос на аутсорсинг сложных технологических решений (*Information Technology Outsourcing – ITO*) и удаленное администрирование бизнес-процессов (*Business Process Outsourcing – BPO*).

Однако в 2022 г. траектория развития рассматриваемого сектора подверглась глубокой институциональной трансформации, вызванной введением масштабных санкционных ограничений против финансово-экономической системы РФ. Отключение ведущих российских банков от международной системы межбанковских расчетов *SWIFT*, блокировка трансграничных операций через международные платежные системы (*Visa, MasterCard*), а также уход с российского рынка крупнейших глобальных фриланс-платформ (*Upwork, Fiverr*) сформировали жесткие барьеры для легальной трансграничной поставки услуг в рамках Способа 1 (*cross-border supply*) методологии *GATS* [18]. Прямым следствием данных шоков стало вынужденное сокращение объемов официально регистрируемого экспорта компьютерных и телекоммуникационных услуг в традиционных географических направлениях.

Дополнительным фактором, деформировавшим общую характеристику экспорта трудовых услуг из РФ в период 2022–2023 гг., стал феномен массовой релокации части высококвалифицированных специалистов за пределы страны. С макроэкономической точки зрения этот процесс носил двойственный характер. С одной стороны, физический выезд ИТ-архитекторов, дизайнеров и маркетологов означал временное изъятие части человеческого капитала из внутреннего сектора экономики [18]. С другой стороны, значительная часть релокантов сохранила экономические и трудовые связи с российскими компаниями-заказчиками, фактически превратившись из экспортеров услуг в их импортеров, либо сформировала специфические гибридные схемы, при которых интеллектуальный продукт создавался на территории РФ, но юридически оформлялся и монетизировался через промежуточные юрисдикции (Казахстан, Армения, Грузия, ОАЭ), что привело к росту скрытого, нерегистрируемого экспорта труда.

Период 2024–2025 гг. можно охарактеризовать переходом российского экспорта цифровых трудовых услуг в фазу адаптационной стабилизации и ускоренного изменения векторов внешнеторговой экспансии. Уход российских компаний с западных рынков привел к быстрой переориентации экспорта на дружественные государства, в первую очередь на страны ЕАЭС, БРИКС и Азиатско-

Тихоокеанского региона. По данным ассоциации РУССОФТ, отечественные ИТ-компании сместили фокус на Ближний Восток и Юго-Восточную Азию. В этих регионах на фоне глобальной цифровизации наблюдается высокий спрос на независимые ИТ-решения и квалифицированный консалтинг [56]. Данные изменения наглядно отражены на рисунке 1.

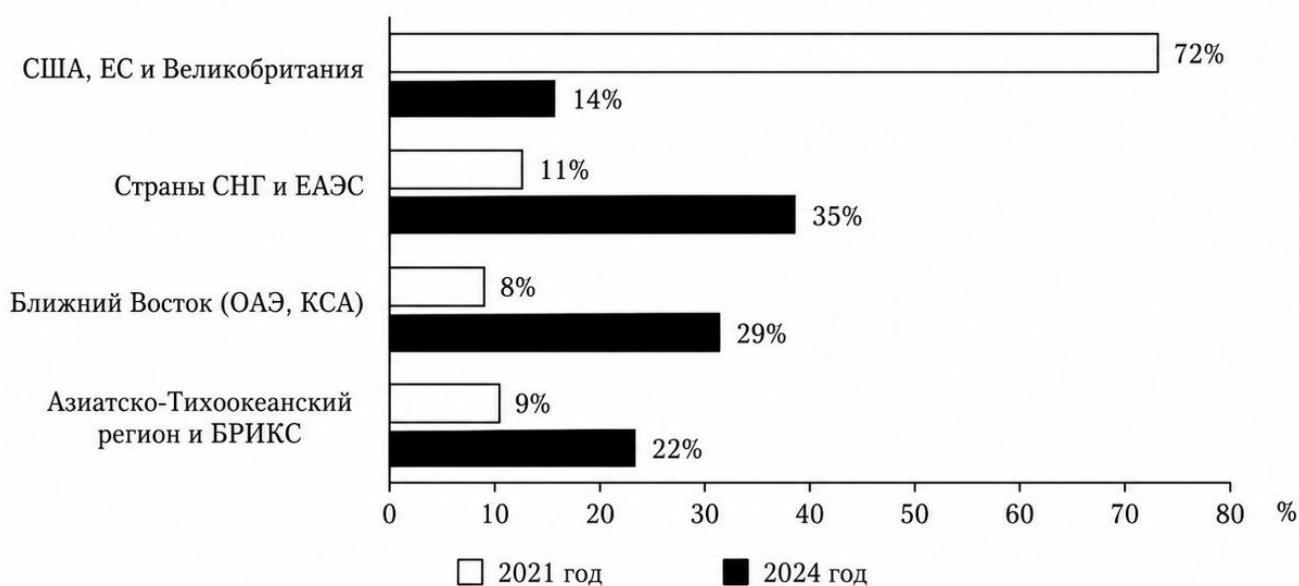

Рисунок 1 – Трансформация макрорегиональной структуры
 российского экспорта ИТ и трудовых услуг
 (оценочные данные, % от совокупной экспортной выручки)
 [составлено автором по: 15; 45]

Качественное изменение структуры и условий функционирования отечественного экспорта трудовых услуг в условиях цифровизации также выразилось в масштабной легализации и росте платформенной занятости внутри страны. Развитие национального института самозанятых (налога на профессиональный доход) и модернизация внутренних экосистем (Яндекс, VK, локальные биржи *FL.ru*, Хабр Фриланс) позволили части специалистов, потерявших доступ к зарубежным заказам, найти приложение своим навыкам на внутреннем рынке. Российские цифровые платформы выступили в роли институциональных амортизаторов, перенаправив избыточное предложение высококвалифицированного

дистанционного труда на удовлетворение потребностей внутреннего рынка в рамках процессов импортозамещения, а также на расширение взаимодействия со странами СНГ [23].

Анализ общей характеристики современного экспорта цифровых трудовых услуг из РФ выявил качественную трансформацию механизмов проведения трансграничных платежей. Преодоление санкционных барьеров обусловило переход экспортеров на клиринговые расчеты в национальных валютах (рубли, юани, дирхамы), использование систем передачи финансовых сообщений дружественных стран, а также легализацию использования цифровых финансовых активов (ЦФА) и децентрализованных криптовалютных протоколов (стейблкоинов *USDT/USDC*) [50]. Это привело также к качественному изменению профиля экспортера: на смену классической линейной модели внешнеторгового контракта пришла сетевая, децентрализованная модель омниканальной дистрибуции интеллектуального продукта. Использование омниканальной модели при экспорте ИТ-решений и контента позволяет объединить все площадки взаимодействия с клиентом в общую систему. Это гарантирует заказчику непрерывность рабочего процесса: он может беспрепятственно переключаться между различными цифровыми каналами без потери контекста задачи или технической информации.

В целом динамика экспорта трудовых услуг Российской Федерации отражает процесс перехода от западноцентричной модели интеграции в мировое цифровое разделение труда к многополярной, суверенной модели. Несмотря на жесткие инфраструктурные ограничения и санкционные вызовы, отечественный человеческий капитал обладает высокой степенью адаптации. Совместно с гибкостью платформенных решений и диверсификацией платежных систем адаптационный потенциал человеческого капитала позволил сохранить экспортную жизнеспособность ключевых интеллектуальных секторов отечественной экономики.

Понять, как именно российская экономика адаптировалась к последним геополитическим шокам, проще всего через анализ экспорта трудовых услуг. Его внутренняя структура за последнее время заметно изменилась. Анализ того, что и куда сейчас поставляют основные акторы международных отношений, отлично

иллюстрирует глобальные сдвиги на мировом рынке в эпоху цифровизации. В связи с этим, структурные особенности отечественного экспорта целесообразно рассматривать в рамках двух взаимосвязанных векторов: отраслевого (компетентностного) и географического (пространственного).

Отраслевая структура российского экспорта трансграничных цифровых трудовых услуг исторически характеризовалась высокой степенью концентрации в сегменте информационно-коммуникационных технологий. Согласно классификации *EBOPS 2010*, основой отечественного интеллектуального экспорта выступает подкласс «Компьютерные услуги» [44]. Внутри данного сегмента ключевую долю занимает заказная разработка программного обеспечения (*software* аутсорсинг), проектирование архитектуры корпоративных баз данных и системная интеграция. Высокая конкурентоспособность российских ИТ-экспортеров на мировом рынке традиционно поддерживалась фундаментальной научной базой и развитием внутренних цифровых экосистем [56].

Вторым по масштабу и значимости отраслевым кластером стали креативные индустрии, которые поставляют свои услуги исключительно в дистанционном формате. Сюда относятся услуги в области графического и промышленного дизайна, проектирования пользовательских интерфейсов (*UI/UX*), *3D*-моделирования, создания визуальных эффектов (*VFX*) для киноиндустрии и разработки компьютерных игр (*gamedev*). Цифровая природа данных услуг обеспечивает им максимальную гибкость и обходить физические логистические барьеры. Экономика этого сегмента характеризуется высокой долей добавленной стоимости, которая формируется за счет уникальной творческой составляющей человеческого капитала.

Третий крупный отраслевой блок представлен наукоемкими бизнес-услугами (*knowledge-intensive business services – KIBS*). В условиях глобальной цифровизации в структуре российского экспорта выросла доля дистанционного юридического, финансового и управленческого консалтинга, услуг интернет-маркетинга (*SEO*, контент-стратегии, таргетированная реклама), а также трансграничного онлайн-образования (*EdTech*). Российские специалисты активно интегрируются в

международные исследовательские проекты в качестве независимых аналитиков данных (*Data Scientists*) и экспертов по машинному обучению, что подтверждает многие теоретические концепции о переходе от экспорта сырых трудовых ресурсов к экспорту высокотехнологичных решений.

Географический вектор структуры экспорта трудовых услуг РФ претерпел еще более серьезную трансформацию. Как уже было отмечено в работе, до 2022 г. пространственное распределение российских цифровых услуг характеризовалось выраженной западноцентричной моделью. Основными рынками сбыта для отечественных ИТ-компаний и фрилансеров выступали США, Великобритания, Германия и страны Балтии. На долю государств североамериканского и европейского регионов приходилось, по разным оценкам, от 60 % до 75 % совокупной экспортной выручки [45]. Эта модель опиралась на устоявшиеся финансовые институты и обеспечивала приток валюты в долларах и евро.

Институциональный кризис 2022 г. привел к тотальному повороту от западноцентричного вектора. Блокировка российских финансовых институтов и санкции ряда западных стран на работу с контрагентами из РФ обусловили ускоренную географическую переориентацию экспорта. Произошел векторный разворот на Восток и Юг. В настоящее время в географической структуре российского экспорта трудовых услуг можно выделить три новых направления.

1 Евразийское пространство и страны СНГ (Казахстан, Беларусь, Киргизия). Российские экспортеры используют инфраструктуру этих стран для сохранения доступа к глобальным клиентам, одновременно расширяя поставки цифровых услуг для локальных рынков Центральной Азии, переживающих этап бурной цифровизации.

2 Ближний Восток (преимущественно Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия). ОАЭ (в частности, Дубай) превратились в главный финансово-транзакционный и юридический центр для многих российских инжиниринговых и ИТ-компаний. Они активно участвуют в реализации масштабных инфраструктурных программ ближневосточных государств (концепции *Smart City*, цифровизация нефтегазового сектора), замещая западных подрядчиков.

3 Азиатско-Тихоокеанский регион и страны БРИКС (Китай, Индия, Вьетнам, Бразилия). Интеграция в данные рынки носит стратегический характер и базируется на создании совместных технологических альянсов. Экспорт трудовых услуг в данном векторе осуществляется преимущественно через Способ 3 (коммерческое присутствие) и Способ 4 (временное перемещение высококвалифицированного персонала для развертывания систем) [51].

Таким образом, структурный анализ показывает, что под влиянием цифровой трансформации и геоэкономического давления российский экспорт трудовых услуг трансформировался из монополярного (ориентированного на развитые западные рынки аутсорсинга) в многовекторный и гибридный. Сдвиги в отраслевой структуре демонстрируют устойчивость спроса на российский интеллектуальный капитал, а изменения в географии поставок свидетельствуют о формировании новой архитектуры внешнеэкономических связей, опирающейся на цифровую инфраструктуру дружественных государств. Процессы институционализации этой новой модели и роль внутренних цифровых платформ в удержании экспортного потенциала будут подробно рассмотрены в следующем параграфе.

2.2 Роль цифровых платформ и экосистем в масштабировании дистанционного экспорта труда из России

В современных условиях институциональной перестройки внешнеэкономической деятельности Российской Федерации ключевым фактором, обеспечивающим выживаемость и последующее масштабирование дистанционного экспорта трудовых услуг, выступает развитие национальных и гибридных цифровых платформ и экосистем.

По своей сути платформенная экономика – это принципиально новая бизнес-модель, где главную роль играет не владелец станков или офисов, а цифровой посредник. Задача такой IT-платформы сводится к тому, чтобы максимально быстро, дешево и безопасно свести напрямую заказчика и исполнителя услуги. Главная ценность этой модели заключается в так называемых сетевых эффектах:

чем больше людей регистрируется на сервисе, тем полезнее и привлекательнее он становится для новых участников. При этом сама платформа выступает не как классический работодатель, а исключительно как провайдер цифровой инфраструктуры. Она не производит конечный продукт, но забирает себе комиссию за то, что решает проблемы поиска клиентов, проведения платежей и технической поддержки [21].

Если говорить о платформенной организации экономических процессов, то она полностью меняет привычные правила взаимодействия на рынке. Традиционный корпоративный менеджмент здесь уступает место алгоритмическому управлению. Именно программный код решает, кому в выдаче показать заказ, как рассчитать рейтинг специалиста и оценить качество его работы. В таких условиях пропадает необходимость тратить время на личные переговоры или проверку надежности контрагента – функцию доверия берут на себя системы отзывов и механизмы безопасных сделок (эскроу-счета, замораживающие оплату до сдачи проекта). Такой подход позволяет дробить сложные экономические процессы на сотни мелких задач и привлекать для их выполнения фрилансеров из любых стран, сводя транзакционные издержки бизнеса практически к нулю. В следствии этого экономический механизм масштабирования дистанционного экспорта труда посредством платформ выигрывает от существенного снижения транзакционных издержек. Российские и адаптированные международные цифровые платформы (такие как *FL.ru*, Хабр Фриланс, а также специализированные закрытые платформы ИТ-аутстаффинга) практически устраняют асимметрию информации посредством алгоритмических систем мэтчинга (*matching*), верификации профессиональных компетенций (*vetting*) и автоматизированного комплаенса. Платформа берет на себя функцию централизованного гаранта исполнения трансграничных обязательств через механизмы эскроу-счетов и безопасных сделок, что критически важно в условиях дефицита взаимного доверия между контрагентами из различных стран [33; 58].

Важнейшей особенностью современных российских цифровых экосистем (Яндекс, VK, Сбер) является их способность генерировать сетевые эффекты (*network*

effects) высокой плотности. Масштабирование экспорта трудовых услуг происходит за счет формирования многосторонних рынков, где рост числа исполнителей привлекает диверсифицированный пул как внутренних, так и внешних заказчиков. Интеграция российских цифровых платформ в экономическое пространство стран СНГ и ЕАЭС позволила сформировать единый контур платформенной занятости. В рамках Способа 1 классификации *GATS* (трансграничная поставка) отечественные экосистемы выступают в роли экспортеров не просто индивидуального труда, а готовых инфраструктурных решений – платформ коллективной работы, систем управления проектами и облачных сред разработки, внутри которых аккумулируется и распределяется добавленная стоимость, создаваемая российскими специалистами [23].

Существенно ускорить процесс институционального оформления платформенного экспорта труда в РФ стало возможным с внедрением и технологическим развитием специального налогового режима – налога на профессиональный доход (НПД), создавшего легальный формат деятельности для института самозанятых. Интеграция программных интерфейсов (*API*) Федеральной налоговой службы РФ с крупнейшими цифровыми платформами занятости позволила автоматизировать процессы налогового учета. Для экспортеров дистанционных трудовых услуг данная экосистема минимизировала бюрократические барьеры. Платформы фактически взяли на себя функцию налоговых и таможенных агентов новой цифровой торговли, обеспечивая прозрачность и снижая регуляторные риски для индивидуальных предпринимателей и фрилансеров, поставляющих интеллектуальные услуги зарубежным контрагентам [1; 26].

Санкционное давление на традиционные каналы межбанковских расчетов изменило роль финтех-экосистем в преодолении инфраструктурной изоляции российских экспортеров. Данные процессы обусловили создание платформами распределенных платежных шлюзов. Финтех-компоненты российских платформ и дружественных трансграничных операторов реализовали бесшовную интеграцию альтернативных платежных инструментов: от использования национальных

платежных систем (карт «Мир» в ближнем зарубежье) и систем быстрых платежей (СБП) до внедрения клиринговых схем в национальных валютах дружественных стран и использования децентрализованных финансовых протоколов (криптовалютных стейблкоинов). Эта мультивекторная финтех-архитектура позволила российским фрилансерам и ИТ-компаниям обходить блокировки со стороны западных регуляторов, обеспечивая бесперебойное поступление экспортной выручки в национальную экономику.

Таблица 2 – Институциональная роль суверенных цифровых платформ в преодолении экспортных барьеров [составлено автором по: 50]

Экспортные барьеры в условиях санкций	Решение, предоставляемое цифровой экосистемой (платформой)	Институциональный эффект
«Трансакционная блокада» (отключение от <i>SWIFT</i>)	Агрегация распределенных финтех-шлюзов, клиринг в национальных валютах (СБП, карты МИР)	Бесперебойная репатриация экспортной выручки
Асимметрия информации и отсутствие доверия	Алгоритмический мэтчинг, верификация навыков (<i>vetting</i>), эскроу-счета	Снижение транзакционных издержек поиска и оценки контрагента
Сложности фискального учета	Интеграция по <i>API</i> с ФНС России (автоматическая уплата НПД)	Легализация теневых доходов, снижение бюрократической нагрузки
Платформенная сегрегация (бан аккаунтов на Западе)	Создание мультязычных интерфейсов на отечественных биржах (Хабр Фриланс)	Удержание человеческого капитала внутри страны

Платформенная организация дистанционного экспорта труда также существенным образом изменила систему управления человеческими ресурсами (*HR-менеджмент*). Внедрение систем алгоритмического менеджмента (*algorithmic management*) позволило осуществлять распределение задач на подзадачи нескольких уровней вплоть до мельчайшей фрагментации. Это позволило крупные международные проекты в сфере ИТ-разработки или проектирования искусственного интеллекта, реализуемые через платформенные интерфейсы, раскладывать с помощью алгоритмов на тысячи атомизированных микрозадач (*microtasks*). Данные процессы способствовали вовлечению в экспортную

деятельность специалистов из регионов РФ с относительно низким уровнем заработных плат на местах. Платформа в данном случае выступает в роли цифрового конвейера, собирающего разрозненные результаты труда в единый экспортный продукт высокой сложности, соответствующий жестким международным стандартам качества [39; 58].

Дополнительным вектором влияния цифровых экосистем на масштабирование экспорта является их образовательная функция. Крупнейшие отечественные экосистемы сформировали собственные *EdTech*-платформы (*Skillbox*, Яндекс Практикум, *GeekBrains*), которые выполняют роль институтов ускоренного воспроизводства человеческого капитала для цифрового экспорта. Алгоритмы платформ осуществляют непрерывный мониторинг структуры глобального спроса на рынке труда, оперативно корректируют образовательные треки под дефицитные трансграничные компетенции (*Data Engineering*, *Prompt Engineering*, *DevOps*). Таким образом, экосистемы обеспечивают полный жизненный цикл экспортера: от первичного обучения и формирования цифрового портфолио до вывода специалиста на международные фриланс-биржи и аутстаффинговые платформы [30].

Таким образом, цифровые платформы и экосистемы стали главным инфраструктурным базисом, удержавшим и масштабировавшим потенциал дистанционного экспорта трудовых услуг Российской Федерации в условиях геополитического и геоэкономического кризиса. Переход от разрозненного индивидуального фриланса к системной, платформенно-организованной гиг-экономике позволил оптимизировать транзакционные издержки, решить проблему трансграничных расчетов и легализовать доходы экспортеров. Российские цифровые экосистемы доказали свою способность не просто адаптироваться к санкционной изоляции, но и выступать в качестве суверенных платформ глобальной экспансии человеческого капитала, способствуя формированию многополярной цифровой архитектуры мировой экономики.

Глава 3 Проблемы и перспективы развития экспорта трудовых услуг Российской Федерации в новых геоэкономических реалиях

3.1 Институциональные и инфраструктурные барьеры для российских экспортеров трудовых услуг

Функционирование сектора дистанционного экспорта трудовых услуг в рамках современной российской экономики совпало с периодом преодоления многофакторных кризисных явлений, возникших в результате геополитических шоков и масштабного санкционного давления. Масштаб и скорость роста трансакционных издержек для отечественных экспортеров интеллектуального продукта в данных условиях становятся значительнее в результате структурной деформации внешнеэкономической среды. Процесс цифровой интеграции Российской Федерации в глобальные цепочки создания стоимости, проанализированный в предыдущих главах, столкнулся с жесткими ограничительными механизмами, которые целесообразно классифицировать по двум ключевым доменам: институциональным барьерам (регуляторный, правовой и фискальный вакуум) и инфраструктурным барьерам (финансовая, технологическая и платформенная изоляция) [35; 50].

Первичным и наиболее деструктивным инфраструктурным барьером стало отключение ключевых российских банковских структур от международной системы передачи финансовых сообщений *SWIFT*. Синхронный уход с российского рынка транснациональных платежных систем (*Visa*, *MasterCard*, *PayPal*) и платежных агрегаторов (*Payoneer*, *Wise*) сформировал так называемую «трансакционную блокаду». Как отмечают А. В. Батищев и Д. Д. Уваров, для индивидуальных экспортеров (фрилансеров) и малого ИТ-бизнеса эта блокада означала физическую невозможность легального получения экспортной выручки от западных контрагентов по ранее заключенным контрактам [18]. Традиционный формат расчета за оказанные услуги, базировавшийся на корреспондентских счетах в

американских и европейских банках, оказался недоступен для субъектов российской экономики.

Следствием финансовой изоляции стал переход в «серую» зону значительной части экспортных операций. Индивидуальные подрядчики были вынуждены использовать высокорисковые транзитные схемы: *P2P*-переводы, регистрацию номинальных юридических лиц в юрисдикциях стран СНГ (Казахстан, Киргизия, Армения), а также использование децентрализованных криптографических протоколов (стейблкоины *USDT*, *USDC*) для возвращения экспортной выручки. Подобная логистика расчетов многократно увеличила транзакционные издержки экспортеров (комиссии посредникам часто достигают 15–20 % от суммы контракта), а также сформировала колоссальные риски нарушения валютного законодательства РФ. В условиях, когда ФНС и Росфинмониторинг ужесточают контроль за трансграничным движением капитала, использование криптовалют ставит экспортера трудовых услуг в состояние институциональной уязвимости.

Вторым фундаментальным инфраструктурным барьером стало платформенное обособление, инициированное иностранными операторами цифровых бирж труда. Ведущие мировые маркетплейсы фриланс-услуг (*Upwork*, *Toptal*, *Fiverr*) в одностороннем порядке деактивировали учетные записи пользователей, физически локализованных на территории Российской Федерации и Республики Беларусь. Для десятков тысяч высококвалифицированных специалистов – программистов, *Data Scientist-ов*, *UX/UI*-дизайнеров – это означало мгновенную утрату не просто канала сбыта, но и наработанного годами цифрового капитала: репутации, отзывов, клиентских баз и портфолио, интегрированного в экосистему платформы [18]. Платформенная изоляция продемонстрировала высокую степень уязвимости отечественных специалистов перед алгоритмическим контролем глобальных ИТ-монополий, которые обладают монопольным правом на блокировку доступа к мировому рынку спроса.

В попытке преодолеть платформенную сегрегацию российские экспортеры прибегают к инструментам цифрового приспособления: использованию *VPN*-сервисов, покупке верифицированных аккаунтов резидентов других государств или

физической релокации в нейтральные страны исключительно ради сохранения доступа к цифровому рынку труда. Однако подобные практики квалифицируются правилами платформ как грубое нарушение условий использования (*Terms of Service*) и влекут за собой блокировки на постоянной основе без права вывода заработанных средств. Развитие отечественных платформенных альтернатив (Хабр Фриланс, *FL.ru*), несмотря на государственную поддержку, пока не способно в полной мере компенсировать утраченные объемы экспорта, поскольку они ограничены масштабами русскоязычного сегмента и не обладают необходимым охватом и цифровой конвертируемостью для генерации стабильного глобального спроса.

Еще одна проблема – это несовершенство законодательной базы. Российское трудовое и гражданско-правовое законодательство не обладает еще достаточной гибкостью для администрирования гиг-занятости и экстерриториальных трудовых контрактов. Введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) стало прорывным шагом в легализации внутреннего фриланса, однако для целей экспорта этот институт сталкивается с серьезными ограничениями. Лимит годового дохода в 2,4 млн руб. (по состоянию на 2026 г.) является критически низким для высокооплачиваемых ИТ-специалистов, работающих с зарубежными контрактами, что вынуждает их дробить бизнес или переходить в статус индивидуальных предпринимателей (ИП) с более сложной системой отчетности и необходимостью прохождения валютного контроля.

Проблема валютного контроля выступает самостоятельным институциональным барьером, генерирующим высокие комплаенс-риски для экспортеров. Нормы Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» обязывают резидентов обеспечивать своевременный возврат валютной выручки и предоставлять уполномоченным банкам исчерпывающий пакет документов, подтверждающих исполнение обязательств по внешнеторговым контрактам [3]. Однако специфика работы на зарубежных дистанционных биржах часто не предполагает заключения классического двустороннего договора с «настоящей синей» печатью (часто

используются электронные оферты – *Click-wrap agreements*), а формирование закрывающих документов (актов выполненных работ) затруднено из-за алгоритмического характера приема задач. Жесткость российской системы валютного контроля вступает в прямой конфликт с гибкостью глобальной гиг-экономики, вынуждая банки блокировать счета самозанятых фрилансеров до выяснения обстоятельств транзакции.

Еще одним значимым регуляторным препятствием является проблема двойного налогообложения. Несмотря на наличие у Российской Федерации сети межправительственных соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН), процедура их применения для индивидуальных экспортеров трудовых услуг сопряжена с непреодолимыми бюрократическими сложностями. Зарубежные заказчики (выступающие налоговыми агентами в своих странах) часто удерживают подоходный налог или налог у источника (*withholding tax*) при выплате вознаграждения российскому специалисту. Для зачета уплаченных за рубежом сумм в РФ экспортер обязан предоставить в ФНС документальное подтверждение, легализованное и апостилированное налоговым органом иностранного государства, что в условиях текущей геополитической напряженности и приостановки действия СИДН с «недружественными» странами становится невозможным [35]. В результате экспортер несет колоссальное фискальное бремя, уплачивая налоги дважды, что критически снижает его ценовую конкурентоспособность на глобальном рынке.

Интеллектуальная уязвимость (*Intellectual Property Risks*) формирует специфический барьер для экспортеров цифровых трудовых услуг в области программного обеспечения, дизайна и инженерных решений. Трансграничный дистанционный труд характеризуется высоким риском нарушения авторских прав и несанкционированного копирования созданных цифровых активов. В условиях разрыва отношений с западными патентными ведомствами российские исполнители лишены эффективных механизмов судебной защиты своей интеллектуальной собственности (ИС) в зарубежных странах. Заказчик, получив исходный код или дизайн-макет через платформу, имеет возможность немотивированно отклонить результат работы, присвоив права на ИС (*IP theft*). Международный коммерческий

арбитраж для фрилансера или дистанционного сотрудника экономически недоступен, а локальные суды не обладают экстерриториальной юрисдикцией для принуждения зарубежных контрагентов к исполнению обязательств [1].

Технологические (инфраструктурные) барьеры усугубляются ограничением доступа российских специалистов к передовому программному обеспечению и облачным сервисам. Уход из России ведущих вендоров *SaaS*-решений (*Software as a Service*), графических редакторов (*Adobe*), сред коллективной разработки (*Atlassian*, *GitHub Enterprise*) и облачных серверов (*AWS*, *Google Cloud*) привел к снижению качества производственной инфраструктуры экспортеров. Для выполнения заказов на международном уровне российские инженеры и дизайнеры вынуждены использовать пиратское ПО или оплачивать подписки на лицензионный софт через зарубежные карты, что нарушает требования корпоративной безопасности иностранных заказчиков и является основанием для отказа от сотрудничества с контрагентами из РФ. В целом институциональные и инфраструктурные барьеры представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Матрица институциональных и инфраструктурных барьеров экспорта цифровых трудовых услуг РФ [составлено автором по: 48]

Домен	Характеристика барьера	Негативные последствия для экспортера и экономики РФ
1	2	3
Инфраструктурный	Блокировка международных платежных систем и финтех-агрегаторов (<i>PayPal</i> , <i>Payoneer</i>)	Вынужденный переход в «серую» зону, рост транзакционных издержек на <i>P2P</i> -обмен (до 20 %)
	Деактивация профилей россиян на мировых биржах (<i>Upwork</i> , <i>Fiverr</i>)	Утрата «цифрового капитала» (репутации, отзывов), сужение рынка сбыта
Институциональный	Негибкий валютный контроль (требование бумажных актов приема-передачи)	Блокировка банковских счетов, невозможность работы по электронным офертам (<i>Click-wrap</i>)
	Приостановка СИДН с рядом государств	Риск двойного налогообложения, снижение ценовой конкурентоспособности на 15–30 %

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Институциональный	Отсутствие защиты интеллектуальной собственности (IP) за рубежом	Риск неправомерного присвоения программного кода и дизайна заказчиком (IP theft)

Подводя итог анализу барьеров, необходимо отметить, что сектор экспорта цифровых трудовых услуг Российской Федерации функционирует в режиме постоянного институционального стресса. Финансовая изоляция, деактивация аккаунтов на глобальных платформах, негибкость валютного и налогового законодательства, а также технологическая сегрегация формируют среду с запретительно высокими транзакционными издержками. Сохранение экспортного потенциала в данных условиях обеспечивается исключительно за счет сверхгибкости человеческого капитала и использования латентных («серых») схем обхода ограничений. Очевидно, что дальнейшая эволюция сектора серьезно затруднена без коренной модернизации государственной политики, направленной на снятие избыточного фискального давления и создание суверенной расчетно-платформенной инфраструктуры, что будет рассмотрено в следующем параграфе.

3.2 Совершенствование государственной политики регулирования и поддержки цифрового экспорта труда в Российской Федерации

В условиях нестабильности мировых рынков и санкционного давления классические методы прогнозирования (например, опора на прошлые тренды) теряют свою точность. Учитывая высокую изменчивость рынка и внешние ограничения, традиционные методы прогнозирования больше не дают точных результатов. В связи с этим в работе применяется метод сценарного планирования. Он помогает гибко оценить, как будут меняться направления российского цифрового экспорта при разных сценариях развития технологий и государственного регулирования.

Первый сценарий – инерционный (пессимистический) – базируется на предположении о сохранении текущих геополитических ограничений и институциональной пассивности со стороны профильных государственных регуляторов. В рамках данной траектории параметры валютного и фискального контроля в РФ остаются неизменными, а инфраструктурные барьеры, подробно описанные в параграфе 3.1, продолжают генерировать избыточные транзакционные издержки [23]. Как следствие, легальный контур экспорта трудовых услуг (статьи платежного баланса «Компьютерные услуги» и «Другие деловые услуги») продолжит демонстрировать стагнацию или умеренное падение за счет окончательного вытеснения российских ИТ-компаний и фрилансеров из глобальных платформенных экосистем.

Инерционный сценарий также предполагает расширение «серых» схем экспортных потоков. Независимые специалисты будут полностью ориентированы на использование теневых финансовых хабов, зарубежных прокси-юрисдикций и нерегулируемых криптовалютных протоколов для выведения доходов, что приведет к расширению масштабов «невидимого экспорта» (*invisible export*) и выпадению значительных объемов капитала из-под национального фискального контроля [51]. Из-за невозможности легальной работы над крупными международными проектами российские специалисты будут вынуждены переключиться на выполнение низкодоходных микрозадач в рамках серой гиг-экономики, что приведет к постепенному обесценению отечественного человеческого капитала на мировом уровне.

Второй сценарий – модернизационный – опирается на успешную реализацию комплекса мер государственной поддержки и регуляторной либерализации. Предполагается институционализация «регуляторных песочниц» Банка России для крипто-клиринга, увеличение лимита доходности для самозанятых экспортеров и создание трансграничных платформенных альянсов со странами БРИКС [23]. Реализация модернизационного сценария обуславливает качественный рост объемов официально регистрируемого экспорта дистанционных трудовых услуг и кардинальную перестройку его отраслевого и географического профилей,

обеспечивая устойчивое положение РФ в цифровой экономике нового многополярного мира.

В отраслевом разрезе модернизационный прогноз фиксирует тектонический сдвиг от классической модели *software*-аутсорсинга (экспорта сырых «человеко-часов» разработчиков) к экспорту комплексных, платформенно-интегрированных суверенных ИТ-продуктов и высокотехнологичных экосистемных решений (экспорту «кода и архитектуры»). Доминирующим кластером среднесрочного роста станет экспорт решений в области искусственного интеллекта, прогнозной аналитики больших данных (*Big Data*) и систем информационной безопасности (кибербезопасности). Российские инжиниринговые и ИТ-холдинги будут выступать не в роли субподрядчиков западных корпораций, а в качестве генеральных технологических интеграторов для развивающихся рынков Глобального Юга, поставляя сложные системы государственного управления (*GovTech*), цифровизации промышленности и финансовых технологий (*FinTech*) [51].

Эволюция структуры креативного сегмента экспорта трудовых услуг в среднесрочной перспективе будет характеризоваться институционализацией независимого фриланса. Переход от разрозненного индивидуального предложения к платформенно-организованным консорциумам (ИТ-кластерам, распределенным дизайн-студиям) позволит российским *UI/UX*-дизайнерам, *3D*-моделлерам и специалистам по визуальным эффектам (*VFX*) выступать коллективными контрагентами на международных рынках. Экономика данного сегмента может продемонстрировать опережающий рост доходов по отношению к другим секторам экономики за счет капитализации уникального творческого потенциала и снижения инфраструктурных издержек посредством использования отечественного и дружественного суверенного *SaaS*-инструментария.

Значительный прирост в среднесрочном периоде продемонстрирует сегмент наукоемких бизнес-услуг (*KIBS*) и *EdTech*-решений. Российские образовательные платформы, адаптировав свои интерфейсы под англо-, арабо- и испаноязычные рынки, могут сформировать устойчивый экспорт образовательных трудовых услуг. Трансграничное наставничество, онлайн-обучение техническим дисциплинам и

дистанционный консалтинг в области управления цепями поставок (*Supply Chain Management*) станут новыми значимыми статьями экспортных доходов РФ. Развитие института «обратной телемиграции», описанного в рамках предложений по совершенствованию политики поддержки, позволит вовлекать в контур российских цифровых платформ специалистов из стран СНГ и Азии, превращая РФ в нетто-экспортера и транзитный хаб платформенных трудовых услуг [30].

Географическая структура экспорта трудовых услуг РФ к 2030 г. в рамках модернизационного сценария укрепит вектор многополярности, снизит до минимума зависимость от североамериканского и европейского рынков. Ключевыми макрорегиональными центрами потребления российских цифровых услуг станут страны БРИКС+, Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран) и Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Индонезия, Малайзия). Пространственная структура экспорта будет опираться на созданную наднациональную инфраструктуру – Реестр цифровых активов БРИКС на базе блокчейна и единые расчетные финтех-шлюзы, интегрирующие цифровой рубль с национальными цифровыми валютами (CBDC) дружественных государств [51].

Резюмируя прогнозные варианты, необходимо подчеркнуть, что среднесрочная перспектива развития экспорта трудовых услуг РФ лежит в плоскости расширения экономической суверенизации и платформеризации внешнеэкономического взаимодействия. Преодоление текущих барьеров, выявленных в ходе анализа состояния и структурных сдвигов в экспорте трудовых услуг в России возможно при реализации модернизационного сценария, превращающего государство из фискального контролера в инфраструктурного партнера цифрового бизнеса. Изменение отраслевой структуры в сторону экспорта готовых ИТ-решений высокой сложности и окончательное закрепление на рынках Глобального Юга позволят России не просто компенсировать инфраструктурные потери кризисного периода, но и занять лидирующие позиции в формирующейся международной архитектуре цифрового разделения труда, обеспечив долгосрочную устойчивость и воспроизводство высокотехнологичного человеческого капитала.

Ликвидация институциональных и инфраструктурных барьеров, ограничивающих развитие отечественного сектора дистанционных трудовых услуг в актуальных геоэкономических реалиях, требует коренной модернизации государственной экономической политики. Для сохранения и последующего наращивания экспортного потенциала высокотехнологичных и креативных отраслей необходим стратегический переход от концепции жесткого фискального и валютного контроля к модели стимулирующего адаптационного регулирования. Совершенствование государственной политики в данной сфере должно носить комплексный характер, охватывающий нормативно-правовую базу, реформирование налогового инструментария, создание суверенной финансово-расчетной инфраструктуры и системную поддержку национальных платформенных экосистем [23; 50].

Первоочередным вектором реформирования нормативно-правовой базы выступает либерализация валютного контроля в отношении экспортеров цифровых услуг. Действующая редакция Федерального закона № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» накладывает на субъектов гиг-экономики избыточные бюрократические обязательства, не соответствующие динамике платформенной занятости [3]. Как обосновывает Н. И. Глотова, государственным регуляторам (Банку России и Минфину РФ) необходимо законодательно закрепить полный отказ от требования предоставления бумажных внешнеторговых контрактов и двусторонних актов приема-передачи для сделок в сфере ИТ, дизайна и консалтинга, совершаемых в электронной форме [26]. Достаточным основанием для легализации валютной выручки должно признаваться наличие публичной оферты (*Click-wrap agreement*) цифровой платформы и электронного инвойса, что позволит снизить регуляторные издержки частных экспортеров (фрилансеров и дистанционных работников) до среднемирового уровня.

Параллельно требуется модернизация специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) с целью адаптации его параметров под нужды высококвалифицированных экспортеров труда. Фиксируемый в законодательстве лимит годового дохода самозанятых в размере 2,4 млн руб.

выступает искусственным ограничителем для ИТ-специалистов, получающих вознаграждение от зарубежных контрагентов. Рациональным решением в рамках государственной политики может являться введение специализированной категории «Самозанятый экспортер» с увеличением предельного порога доходности до 10 млн руб. в год исключительно для доходов, полученных из внешних источников [23]. Кроме того, целесообразно рассмотреть внедрение налогового вычета на сумму документально подтвержденных транзакционных издержек, понесенных исполнителем при конвертации и трансграничном переводе средств, что позволит вернуть значительную часть «серого» экспорта в легальное налоговое поле.

Инфраструктурный ответ на международную финансовую блокаду лежит в плоскости институционализации и создания суверенных шлюзов для расчетов в цифровых финансовых активах (ЦФА) и децентрализованных криптовалютных протоколах. В рамках государственной политики можно рассмотреть отход от стратегии тотального запрета криптовалютных транзакций в сторону формирования жестко регламентированных «регуляторных песочниц» (*regulatory sandboxes*) под эгидой Банка России. Существенной необходимостью является создание национального крипто-клирингового центра, обеспечивающего легальную конвертацию стейблкоинов (*USDT, USDC*), полученных фрилансерами от иностранных заказчиков, в национальную валюту с автоматическим удержанием подоходного налога [2]. Важным шагом также выступает ускорение интеграции цифрового рубля со сквозными цифровыми валютами центральных банков (*CBDC*) дружественных государств, в первую очередь с цифровым юанем (*e-CNY*), что сформирует неуязвимый для внешних санкций расчетный контур БРИКС.

Стратегическим приоритетом государственной политики должно стать субсидирование и системное продвижение национальных цифровых платформ занятости на международный уровень. Экспортный потенциал российских бирж труда (*FL.ru, Хабр Фриланс*) искусственно ограничен локальным рынком. Актуальным является запуск государственной программы поддержки экспансии отечественных платформенных экосистем в экономическое пространство стран ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН. Это предполагает предоставление налоговых каникул и

грантов для платформ, создающих многоязычные интерфейсы и интегрирующих локальные платежные системы дружественных стран [47]. Формирование трансграничных платформенных альянсов позволит российским специалистам получать доступ к зарубежным заказам внутри защищенного и легального ИТ-контура, минимизируя риски произвольной блокировки аккаунтов со стороны западных монополистов.

Следует обратить внимание на возможности модернизации государственной политики в области защиты интеллектуальной собственности российских экспортеров в новых геоэкономических реалиях. В условиях нарушения правовых норм со стороны недружественных государств Минэкономразвития РФ совместно с Роспатентом могут инициировать создание наднационального Реестра цифровых активов стран БРИКС. Данный инструмент, базирующийся на технологии распределенных реестров (блокчейн), позволит осуществлять мгновенную трансграничную фиксацию авторских прав на исходный код, графический дизайн и инженерные решения в момент их загрузки на верифицированные платформы [2]. Дополнительно требуется учреждение специализированного Центра международного коммерческого арбитража БРИКС для дистанционного разрешения споров между гиг-работниками и зарубежными заказчиками, что обеспечит юридическую защиту российских экспортеров от неправомерного присвоения интеллектуальной собственности.

В рамках содействия технологической независимости экспортеров государство может расширить программу грантовой поддержки разработки отечественного программного обеспечения класса *SaaS (Software as a Service)*. Субсидирование создания российских аналогов сред коллективной разработки, графических сред и систем управления проектами (альтернатив продуктам *Adobe*, *Autodesk*, *Atlassian*) должно быть увязано с требованиями их совместимости с международными форматами данных. Обеспечение экспортеров доступным, легальным и высокотехнологичным суверенным софтом позволит восстановить производственную инфраструктуру и снизить риски, связанные с технологической сегрегацией [48].

Реформирование подходов к международному налогообложению в рамках государственной политики должно быть направлено на пересмотр механизмов избежания двойного налогообложения в одностороннем порядке. Данный шаг позволит ликвидировать избыточное фискальное давление и предотвратить окончательный уход мобильного человеческого капитала в зарубежные налоговые гавани [35].

Наконец, включение в государственную политику мер по стимулированию «обратной телемиграции» – привлечению иностранных специалистов из дружественных стран (Индии, Китая, государств СНГ) в российские платформенные экосистемы увеличит роль России в международном цифровом сообществе. Развитие англоязычных и мультивалютных интерфейсов отечественных цифровых платформ, подкрепленное упрощенными процедурами удаленной регистрации нерезидентов в качестве плательщиков налога в РФ, позволит превратить Россию в крупный макрорегиональный хаб по экспорту и транзиту цифровых трудовых услуг [11]. Это не только компенсирует внутреннюю нехватку кадров по дефицитным направлениям, но и укрепит геоэкономическое влияние РФ в рамках глобальной цифровой структуры.

Таким образом, совершенствование государственной политики регулирования и поддержки цифрового экспорта труда в РФ должно базироваться на принципах гибкости, технологической суверенности и адаптивности. Создание распределенной финансово-платформенной инфраструктуры позволит вывести отечественный сектор дистанционных услуг из «серой» зоны, снизить транзакционные издержки исполнителей и сформировать устойчивую модель экспорта человеческого капитала, устойчивую к внешним деструктивным воздействиям. Предложенный комплекс мер будет способствовать формированию цифрового суверенитета как основы безопасности Российской Федерации в глобальном цифровом сообществе в целом.

Заключение

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть влияние цифровой трансформации на структуру экспорта трудовых услуг Российской Федерации и показать, что данный процесс не сводится только к росту удаленной занятости. Речь идет о более глубоком изменении механизма участия российских специалистов в международном разделении труда: физическое перемещение работника все чаще замещается передачей результата интеллектуальной деятельности через цифровые каналы, платформы и распределенные платежные инфраструктуры.

В теоретической части работы было уточнено различие между международной трудовой миграцией и экспортом трудовых услуг. Если классическая миграционная модель предполагает перемещение человека в страну приложения труда, то дистанционный экспорт строится на сохранении экономической и налоговой связи исполнителя со страной резидентства при трансграничном использовании результата его труда. В условиях цифровизации эта форма наиболее полно проявляется в компьютерных, информационных, инженерных, консалтинговых, образовательных и креативных услугах, где основным ресурсом выступает человеческий капитал, а не материальная производственная база.

Анализ эволюции мирового рынка труда показал, что цифровые платформы, облачные сервисы, инструменты совместной работы и алгоритмическое управление существенно снизили транзакционные издержки поиска заказчиков и исполнителей. Это расширило возможности для участия специалистов из разных стран в глобальных проектах, но одновременно усилило зависимость работников от платформенной инфраструктуры, рейтинговых механизмов, правил доступа и цифровых платежных каналов. Поэтому цифровая трансформация несет двойственный эффект: она открывает новые экспортные ниши, но делает занятость более нестабильной и институционально уязвимой.

Отдельное значение имеет проблема статистического учета цифрового экспорта. Традиционные инструменты платежного баланса и банковской отчетности

фиксируют денежный поток, но не всегда позволяют корректно разделить экспорт труда независимых исполнителей от деятельности крупных компаний, роялти, финансовых операций и иных видов трансграничных платежей. В связи с этим для оценки реального масштаба сектора необходима комбинация официальной статистики, отраслевых обследований, данных цифровых платформ, зеркальной статистики и методов анализа цифрового следа.

Эмпирический анализ показал, что российский экспорт трудовых услуг в последние годы прошел через резкую перестройку. До 2022 г. его развитие во многом опиралось на западноцентричную модель: устойчивый спрос на российскую ИТ-разработку, инженерные компетенции и креативные услуги формировали рынки Европы и Северной Америки. После усиления санкционного давления прежняя модель столкнулась с финансовыми, платформенными и технологическими ограничениями. Отключение части расчетных каналов, уход международных сервисов и блокировка доступа к глобальным биржам труда привели не к исчезновению сектора, а к его вынужденной адаптации.

Главным результатом этой адаптации стал структурный разворот в сторону многовекторной модели экспорта. Российские специалисты и компании стали активнее ориентироваться на рынки СНГ, ЕАЭС, БРИКС, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. Одновременно изменилась и отраслевая структура предложения: наряду с классическим ИТ-аутсорсингом возрастает значение комплексных цифровых решений, кибербезопасности, аналитики данных, *GovTech*, *FinTech*, *EdTech*, дизайна и других наукоемких услуг. Это говорит о переходе от экспорта отдельных трудовых операций к экспорту более сложных интеллектуальных продуктов.

Значимую стабилизирующую роль в этих условиях сыграли внутренние цифровые платформы и финтех-экосистемы. Они частично компенсировали потерю доступа к зарубежным каналам сбыта, обеспечили перераспределение спроса внутри страны и на дружественных рынках, а также поддержали легализацию доходов через режим самозанятости и альтернативные платежные инструменты. Вместе с тем их потенциал пока не является достаточным для полноценной замены

глобальных платформ, поскольку российским сервисам необходимо расширять международную аудиторию, повышать доверие со стороны иностранных заказчиков и развивать совместимые расчетные механизмы.

В ходе исследования были выявлены ключевые барьеры, ограничивающие дальнейшее развитие экспорта цифровых трудовых услуг. К ним относятся жесткость валютного контроля, слабая адаптация законодательства к электронным офертам и платформенным контрактам, ограниченность действующего режима самозанятости для высококвалифицированных экспортеров, риски двойного налогообложения, уязвимость интеллектуальной собственности и ограниченный доступ к ряду зарубежных программных продуктов и облачных сервисов. Совокупность этих факторов повышает издержки легальной работы и подталкивает часть специалистов к неформальным или полулегальным схемам расчетов.

Предложенные в работе меры направлены на снижение этих ограничений. Наиболее важными направлениями являются либерализация валютного контроля для цифровых услуг, признание электронных документов достаточным основанием для подтверждения экспортной выручки, расширение налогового режима для самозанятых экспортеров, создание регулируемых механизмов трансграничных расчетов, поддержка российских платформ занятости на внешних рынках и развитие инструментов защиты интеллектуальной собственности в рамках дружественных международных объединений.

Таким образом, цифровая трансформация изменила не только технологическую форму экспорта трудовых услуг, но и его отраслевую, географическую и институциональную структуру. Для Российской Федерации этот процесс одновременно является вызовом и возможностью. С одной стороны, внешние ограничения усилили уязвимость экспортеров и выявили зависимость от зарубежных платформ и расчетной инфраструктуры. С другой стороны, они ускорили поиск новых рынков, развитие национальных цифровых экосистем и переход к более суверенной модели участия в международном цифровом разделении труда. Практическая реализация предложенных мер будет способствовать не только улучшению условий работы отечественных

дистанционных специалистов, но и укреплению позиций Российской Федерации на мировом рынке цифровых услуг, обеспечив стабильный рост несырьевого экспорта.

Список использованных источников

1 Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 6 августа.

2 Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Российская газета. – 2020. – 6 августа.

3 О валютном регулировании и валютном контроле : федер. закон Российской Федерации от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ // Российская газета. – 2003. – 17 декабря.

4 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Российская газета. – 2024. – 11 мая.

5 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. – 2020. – 22 июля. (признан утратившим силу с 07.05.2024 на основании Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309).

6 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. – 2018. – 9 мая.

7 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. – № 20, ст. 2901.

8 Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632р. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. – № 32, ст. 5138 (утратил силу с 12 февраля 2019 года на основании распоряжения Правительства РФ от 12 февраля 2019 года №195-р).

9 Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», разработан во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL : <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 12.03.2026).

10 Алексахин А. Н., Алексахина С. А., Горшкова А. А., Байтимерова Л. С. Современные тенденции развития платформенной экономики // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 46–51.

11 Алиева Л. Р., Шкиотов С. В., Маркин М. И. Статистическая оценка влияния антироссийских санкций на динамику развития российской промышленности // Теоретическая экономика. 2024. № 4. С. 134–142.

12 Аниш А. Виртуальная миграция: цифровая глобализация. Aneesh A. virtual migration: the programming of globalization. Durham; L. : Duke Univ. Press, 2006. 208 p.

13 Афонцев С. А. Под влиянием санкций в России поменялась экономическая модель. URL : <https://moscowforesight.ru/ru/publications/sergey-afontsev-russias-economy-model-changed-due-to-sanctions> (дата обращения: 10.03.2026).

14 Афонцев С. А. Теоретическое измерение экономического суверенитета // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 218–224.

15 Банк России. Внешняя торговля услугами. URL : https://cbr.ru/statistics/?prtid=svs&ch=itm_20475 (дата обращения: 06.04.2026).

16 Банк России. Методологический комментарий к платежному балансу Российской Федерации. URL : https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/meth_com_bop/ (дата обращения: 12.03.2026).

17 Банк России. Статистика внешнего сектора. Внешняя торговля Российской Федерации услугами в структуре расширенной классификации услуг (по методологии платежного баланса). URL : https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (дата обращения: 28.03.2026).

- 18 Батищев А. В., Уваров Д. Д. Отток IT-специалистов в условиях глобальной цифровизации: учёт политических, социально-экономических и технологических факторов // Вестник Академии знаний. 2025. № 2. С. 921–926.
- 19 Бобков В. Н., Черных Е. А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С. 6–15.
- 20 Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация // Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 5. С. 40–51.
- 21 Бочегов М. А. Цифровые платформы в мировой экономике Современные тенденции и направления развития // Научный журнал «АРХИВАРИУС». 2021. Т. 7, С. 38–44.
- 22 Волкова Д. С. Рынок труда в эпоху цифровой экономики // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 158–160.
- 23 Гаврилова Э. Н. Платформенная экономика в России: драйверы развития, институциональные барьеры, экономические эффекты и прогнозы развития // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2025. № 3 (54). С. 19–29.
- 24 Генеральное соглашение по торговле услугами (GATS) // Официальный сайт Всемирной торговой организации (ВТО). 2023. URL: <https://www.wto.org> (дата обращения: 10.04.2026).
- 25 Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) // Приложение 1В к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 г. URL : <https://docs.cntd.ru/document/902340076> (дата обращения: 15.04.2026).
- 26 Глотова Н. И., Герауф Ю. В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 4. С. 22–27.
- 27 Земцов С. П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2019. Т. 36, № 3. С. 6–17.

28 Иванкова М. Ю. Проблемы международной миграции рабочей силы // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2007. № 2 (28). С. 265–291.

29 Кабалина В. И., Макарова А. В. Вовлеченность работников: систематизация подходов к определению и измерению // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 110–137.

30 Кадры для цифровой экономики: современный рынок труда и актуальные образовательные маршруты, АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации», аналитический обзор, 2024. 60 с.

31 Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. Динамика товарооборота России с основными партнерами в 2022 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 4. С. 8–14.

32 Концепция «Цифровая трансформация 2030». М., 2018. 31 с.

33 Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. : Новое издательство. 2007. 224 с.

34 Лисова Е. В. Теория черного лебедя в контексте региональной экономики // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5(95). С. 75–77.

35 Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций // Russian journal of economics and law. 2024. Т. 18, № 2. С. 287–313.

36 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М. : Политиздат, 1983. 906 с.

37 Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений / Рос. Акад. наук, Урал отд-е, Ин.-т экономики; колл.: Бедрина Е. Б., Бекетова А. П., Вандышев М. Н., Мельникова А. С. и др. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. 158 с.

38 Мирзабалаева Ф. И., Санкова Л. В., Симонова М. В. Эффекты институциональных трансформаций рынка труда в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13, № 3. С. 1605–1626.

39 МОТ. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда. 2021. URL : <https://esg->

library.mgimo.ru/publications/rol-platform-tsifrovogo-truda-v-transformatsii-sfery-truda/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 10.02.2026).

40 Петровская Н. Е. Цифровые платформы как доминантный вектор развития глобального рынка труда // Управление. 2021. Т. 9, № 2. С. 103–113.

41 Питайкина И. А., Влазнева С. А. К вопросу о способах адаптации человеческого капитала к условиям цифровой экономики // Экономические науки. 2019. № 12 (181). С. 38–43.

42 Питайкина И. А., Корнеева К. С. Профессии будущего в условиях цифровой экономики: менеджер краудфандинговых платформ // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н. В. Расказовой, Л. В. Рожковой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 157–163.

43 Питайкина И. А., Проскорякова Д. Е., Миньджу Ван. К вопросу о развитии цифровой экономики в России // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н. В. Расказовой, Л. В. Рожковой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 65–70.

44 Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Шестое издание (РПБ6). МВФ. URL : <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf> (дата обращения: 12.03.2026).

45 РУССОФТ. Российская софтверная отрасль: девятнадцатое ежегодное исследование. М.: НП «РУССОФТ», 2022. URL : <https://russoft.org/analytics/19-e-ezhegodnoe-issledovanie-russoft-2022-rossijskaya-softvernaya-otrasl/?ysclid=mq6y9z13wb487016976> (дата обращения: 28.03.2026).

46 РУССОФТ. Экспорт российской индустрии разработки программного обеспечения: восемнадцатое ежегодное исследование. М.: НП «РУССОФТ», 2021. 175 с.

47 Рябухин С. Н., Кокорев И. А., Сафронова А. А., Покровская О. Д., Фоменко Н. М. Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 2. С. 134–148.

48 Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г. Новые контуры промышленной политики : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. 73 с.

49 Складов И. Внешняя торговля России в 2023 г.: предварительные итоги // Экономика и жизнь. URL : <https://www.eg-online.ru/news/477965/> (дата обращения: 06.04.2026).

50 Спартак А. Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35.

51 Спартак А. Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29.

52 Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 224 с.

53 Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 6. С. 89–106.

54 Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

55 Цапенко И. П. Трансграничные передвижения талантов и вызовы новых кризисов // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 2. С. 42–61.

56 Цыцына А. Р., Барбаш И. П. Перспективы экспорта российского программного обеспечения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. Т. 7, № 3. С. 197–200.

57 Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 208 с.

58 Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. № 1. С. 30–54.

59 Яновская А. А., Романюк Е. В., Трусевич Е. В. Цифровые трудовые платформы и их роль на рынке труда // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2025. № 2. С. 86–93.

60 Graham M. Digital Economies at Global Margins. MIT Press, 2019. 388 p.

61 Handbook on Measuring Digital Trade. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/dtlecdc2023d8_en.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

62 Online labour index: Measuring the online gig economy for policy and research // Technological Forecasting and Social Change. 2018. URL : https://www.academia.edu/69346576/Online_labour_index_Measuring_the_online_gig_economy_for_policy_and_research (дата обращения: 10.02.2026).